

Богдан Шаповалов

Город 212

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить свою школьную учительницу Никитину Людмилу Валентиновну за то, что именно она пробудила во мне любовь к литературе.

Спасибо моим родителям, которые, не смотря ни на что, продолжали верить в меня.

Хотел бы сказать отдельное спасибо моей сестре Ирине Науменко, мне кажется, она сидела за моей книгой больше чем я. Без неё моя история не увидела бы мир.

Спасибо друзьям: Денису Черненко, Игорю Пацкалю, Роману Полякову, Александру Бойко, Анастасии Хаджикулевой, за поддержку.

Хотел бы выразить особую признательность, Лилии Кузьменко, которая помогла мне найти правильный путь, и вдохновила к новым идеям.

ГОРОД — 212

Тем, кто может услышать меня, я говорю: «Не отчаивайтесь!». Бедствие, которое нас постигло,

порождено судорогами алчности — озлоблением людей, которые боятся прогресса человечества. Но и ненависть людская преходяща, диктаторы погибнут, а власть, которую они отняли у народа, вернется к народу. И до тех пор, пока люди умирают за нее, свобода не погибнет.

Солдаты! Не поддавайтесь этим бестиям, которые презирают вас, делают вас рабами, управляют вашей жизнью, приказывают вам, что делать, о чем думать и как мыслить! Тем, кто муштрует вас, сажает вас на паек, обращается с вами, как со скотом, и использует вас, как пушечное мясо! Не поддавайтесь этим чудовищам, людям-машинам, с механическим умом и механическим сердцем! Вы не машины! Вы люди! С любовью к человечеству, которая живет в ваших сердцах, нельзя ненавидеть!

Чарли Чаплин «Великий Диктатор»

1940

Где я?

Что это за место?

Я открыл глаза. Сыреющие стены в полумраке, не позволяют мне пробудиться и сосредоточиться. Я слышу, как где-то падают капли воды, отражаясь эхом от каменных стен, доносятся глухим звуком. Тусклый, слегка танцующий свет, словно от свечи, рисует тени и силуэты. Плесень под желтым светом вызывает неприятные ощущения.

Я в пещере?

Мне зябко. Тело лихорадочно трясется, как от приступа эпилепсии. Я весь в какой-то липкой жидкости, очень вязкой, похожей на желе. Никаких запахов абсолютно. Зубы сводит, мышцы рук и ног напрягаются и расслабляются самовольно. Моё тело не слушается меня. Я с трудом поднялся, преодолевая дрожь. Сердце колотит в груди, будто хочет выскочить.

Где я?

Я слышу звуки работающих электроприборов, глухое, очень низкое гудение звучит то ближе, то дальше. Я весь дрожу, пальцы рук крутит и выгибает каким-то не природным способом.

Зажегся свет.

Пять круглых, белых ламп светят мне прямо в лицо. Свет настолько яркий, что мои глаза заболели и запекли. Я уклоняюсь, но понимаю, что не могу этого сделать, не могу закрыть глаза, не выходит, тело борется со мной, оно не подвластно мне. Мне казалось этот свет ярче тысяч солнц. Боль, как же больно. От этой боли глаза налились слезами, и я уже ничего не вижу, всё размыто туманом этих слёз. Я не могу отвернуться, не могу закрыть глаза, мне хочется вырвать их руками, чтобы эти муки прекратились. Пересохшие губы лихорадочно трясются, я выгляжу как умирающий в муках человек. Я пытаюсь крикнуть, но понимаю, что не сделаю этого, сухой рот открылся с трудом и лишь

негромко произвёл шипение. Из треснутой губы потекла кровь. Неприятный привкус железа появился во рту. Мои веки раскрываются всё шире и дыхание сбивается.

Тело начинает поворачиваться вместе с тем местом, где я лежу. Не знаю, что происходит. Спустя несколько секунд я уже стою почти вертикально. Вокруг наступила тишина, и я рад, что этот свет уже не направлен мне прямо в глаза. Немного легче.

Что-то громко зашипело, и от этого звука я резко сжался. Острая, невыносимая боль в области затылка, после которой я ощутил, как разгорячённый дьявольский зной пронёсся по моему телу. Мой организм не выдержал, и я погрузился в забвение.

Часть Первая

Глава 1 Иллюзия Свободы

Вновь запущен механизм, и время марша наступило. Строй за строем в одинаковых одеждах, словно муравьи, люди начали расползаться по рабочим местам, покидая своё жильё, как будто ими

кто-то командовал и контролировал все их движения. Всё что выполняли жители каждое утро, напоминало цикл повторяющихся событий, которые с течением времени никак не менялись. Для каких-либо изменений человек должен был почувствовать свою значимость, но этого не происходило. Каждая отдельно взятая личность ничего не могла, а в толпе работали слажено, заставляя крутиться колесо жизни. Но стоит одному упасть, как срабатывает принцип домино, механизм останавливается, ведущая шестерня перестаёт работать. Рушится вся система. Люди — огромный набор различных инструментов, помогающий ей продолжать работать по плану, безупречно сконструированной таким образом, что мысли человека, — это ещё не действие, мысль можно заменить, а действие — нет. Так закладывается необходимая установка, образ, идея, неспособность мышления. Огромный муравейник продолжает беспечно существовать и совершенно не интересоваться что за его чертой. Мир понемногу сходит с ума. И я в нём живу. Живу в таком мире, где правду принимают за ложь, в мире, где застенчивость и стеснительность становятся причиной насмешек. Где честь забыта, а любовь лишь громкое слово. Игру человеческих характеров сложно назвать игрою, ведь чувства притуплены, и выражение эмоций наблюдается всё меньше. В

любой игре, какого бы она вида не была, есть победители и проигравшие. Здесь их нет.

Вой сирен службы безопасности, шум летающих аппаратов, рычание двигателей автомобилей, гомон людей ходивших по улицам, создаёт привычный городской фон. Сутолоки и толкотни на узких улочках больше не наблюдалось, единственная радость для меня. Всё стало искусственным; любовь, доброта, характерное человеку искренность эмоций, отношение между мужчиной и женщиной, сочувствие и сострадание, всё то, что делает человека человеком, кануло в небытие.

Каждый выход из дому захлёстывал меня водоворотом сумрачных людей, приходится прикладывать усилие, чтобы не унесло в бурлящий океан неизвестности.

Одинаковые одежды, одинаковые взгляды и мысли. Всё сливается в одно. Город проглатывает меня, затягивая в трясины однообразности. Квартира, работа, случайные встречи, работа квартира, снова и снова, день за днём, круговые движения упавшей восьмёрки — бесконечность.

Я повсюду замечаю попытки этого мира взять власть надо мной, положить на конвейер для переработки отходов вместе с остальными, вместе с людьми, для которых стоять на этом конвейере благо, большая честь, дарована свыше, совершенно

не ведая куда ведёт движущая лента, а в конце пропасть, огромная, бездонная пропасть, куда сваливается стремление к свободе, гуманизм и человечность. Мне придётся снова утонуть в днях, мчащихся чередой в никуда. Я вернусь к своим прежним делам и буду выполнять тысячи мелочей, из которых и состоит городская жизнь, их делают люди, машинально, не задумываясь. Я не желанный гость в этом мире полном странных лиц и чужих имён.

Может если бы мы спрашивали: Что это? Зачем это? И как это устроено? У нас бы появился шанс шагнуть вперёд своим сознанием, но большинству людей безразличны эти знания. Знания об устройстве мира. Город умело подавляет стремление к новому. Такой устрой общества, полностью удовлетворяет тех, кто это задумал, кто планировал загнать в колесо безвольных, послушных и смиренных со своей судьбой людей. За столь короткий промежуток времени, заинтересованные личности, сумели создать инкубаторий, в котором рождались и вырастали зомбированные, без своей точки зрения, не задающих лишних вопросов особей. Воды когда-то могущественной реки свободы поглотила человеческая нравственность. Отсутствие желания, не способность анализировать и принимать решения каждого отдельно взятого гражданина,

повлекло за собой появление новой структуры социума. Принятый стандарт восхваляли все, не подозревая страшных последствий. Толпы грязных площадей уповали на президента, сделав его идолом. Все поддались общественной мысли, пошли на поводу алчности и самолюбия.

Новый день начался, смывая грязь прошлого. Прошое, которое не каждый из ныне живущих в городе помнит, осталось за пределами его границ, бесконечно кружась в пространстве. Люди сами выбрали свой путь.

Каждое утро я просыпаюсь с чувством вины, раздраженности. Я обвиняю себя во всех неудачах. Разум одолевают страхи и сомнения, сомнения в завтрашнем дне. Плохое самочувствие становится побочным эффектом моих негативных помыслов. Люди часто придумывают себе различного рода проблемы, от которых голова тяжелеет, наливаясь свинцом. Зудит в беспмятстве ощущение незавершенности, безысходности, наполняя своей чернотой последний луч надежды. Откуда у меня, только взялись такие странные помыслы? Часто беспокоит чувство замкнутости, я словно узник, которого закрыли в темнице, я застрял в узких рамках общественности населяющей город. Я раб, раб, заблудившийся в своих иллюзиях когда-нибудь стать свободным.

Все жители без исключения в обязательном порядке должны принимать жёлтую капсулу жизни.

Городской Кодекс ст.2 п.3.

Эти капсулы имеют набор необходимых полезных веществ для проживания и поддержания жизни. Во всяком случае, нам так сказали. Каждое утро ровно в шесть, чудо таблетки поступали во все квартиры по пневматическим трубкам.

Но я не знаю почему, но я их не употребляю уже дня два, или три. Может из-за этого ухудшилось состояние? Нужно выпить это лекарство.

Раньше я чувствовал себя счастливее, нежели сейчас. Привнести в свою жизнь ярких красок не удаётся, они меркнут, превращаясь в мрачные тона, словно лондонский туман серостью обыденных дней заворачивает в саван всё, что пытается выглядеть иначе. Мир вокруг изменился, может, он всегда был таким, и это всего лишь исказилось моё мировосприятие. Город наполнен людьми в суматохе мчащих по своим делам. Я терял себя в толпе, растворялся в ежедневной рутине. Я начинаю исчезать в пучине одинаковых дней, пытаюсь выбраться из гнетущей сырости, увлекая за собой навязчивую идею. Идею изменить мир. Если бы всё было так просто...

«Внимание, вы покидаете город, немедленно вернитесь».

«Внимание, вы направляетесь в запретную зону, немедленно вернитесь».

Со злобой я стукнул в экран бортового компьютера, и он отключился.

Я часто покидаю черту города, чтобы убежать от безумной толпы людей. Они носятся, быстро передвигая ноги уткнувшись носом в асфальт, абсолютно не замечая, что происходит вокруг. Наблюдения за ночным небом привлекает меня тишиной, умиротворением. Каждые выходные я остаюсь наедине с вечностью, Вселенная позволяет прикоснуться к своим необъятным просторам. Кто же этот безумный космический художник, что серебром рисует Млечный Путь? У меня нет ответа, но по всему видно, что он безумец, безумец лишен покоя. Как я... Он бриллиантовыми гвоздями прибавляет к пустоте великолепные фигуры, хаотично движет кисть, творя шедевры. Я вскидываю к небесам ладони, на них садится пыль из звёзд, покрывая свечением чуть заметным. Лёгкий тёплый ветер обволакивает моё лицо, нежно касаясь волос, он дополняет чарующую летнюю ночь, в которой льется песня цикад. Я утопаю в глубине бесконечных миров, уставившись в тёмную даль. Красота ярких звёзд увлекает меня, заставляя придумывать различные теории и догадки. Может где-то там далеко у какой-нибудь звезды похожей на нашу, есть планета, на которой зародилась жизнь. Может они смотрят в нашу сторону думая, что одни, что разумной жизни больше нигде нет.

«Вы выехали за пределы разрешённой границы, пожалуйста, вернитесь в подконтрольную городу зону».

Да что же ты?!

Вскоре мне придётся вернуться в город, придётся покинуть этот уютный уголок, в котором чувство комфорта преобладает, хоть я и далеко от дома.

Поворот ключа и двигатель запустился почти сразу. Дорога домой уменьшалась с каждым бликом габаритных огней. Но это ли мой дом на самом деле? Такой ли я жизни хотел? Перед глазами мелькает прерывистая зеленая полоса, заставляя следовать за ней. Все дороги были обозначены чёткими границами, покидать которые запрещено, но не для меня. Я люблю их нарушать. Вот снова возвращаюсь к своей прежней жизни, в которой меня ждут разочарования с последующей нервозностью. Стрессы стали для меня привычными. От них никуда не убежишь, не спрячешься, где бы ты ни был, они найдут тебя, пытаясь взять под свой контроль твои эмоции и поступки, стараясь выйти победителем из этой схватки, ты ещё больше увязнешь в хаосе нервных срывов. Это стало для меня вредной привычкой, поделаться с которой я ничего не могу. Приступы меланхолии приносят с собой подавленное состояние души, плавно переходя в

опустошенность. Это всё пагубно влияет на принятие ясных решений, не требующих много внимания. Я трачу много времени и энергии на подавление этого состояния. Беспорядочный поток мыслей иногда совершенно не совпадающих по смыслу, терзал изнутри двойственностью убеждений, буквально разрывая на части...

«Водитель «скайкара» сбавьте скорость и немедленно приземлитесь, выключите двигатель и выйдите с поднятыми руками!»

Команды дублировались несколько раз, и уже порядком надоел своим красно-синим мерцанием аппарат службы безопасности. Скорее всего, мне не удастся убежать, придётся подчиниться. Я резко направил кар вниз, и звук винтов сменился из-за перегрузки. Они тут же метнулись за мной.

— Медленно покиньте летательное средство, закатайте рукава и поднимите руки!

Я подчинился приказам, один из офицеров сильно ударил меня прикладом импульсной винтовки в поясницу, я от боли съёжился немного покосившись. Второй подбежал со сканером и провёл излучаемым зелёным свечением по внутренней стороне запястья, под светом тут же проявился рисунок, демонстрирующий мою принадлежность к городу. Штрихкод при сканировании выдал ему на экран: «D-612.212».

— Всё в порядке, он свой, — сказал офицер второму.

— Сэр, вы знаете, что покинули разрешённую зону?

— Да, сэр, я пытался найти путь обратно, я заблудился.

— Похоже на правду, у него компьютер не работает, выбираясь из моего «скайкара» сообщил человек со сканером.

— Не волнуйтесь, мы вас доставим домой.

Я живу в замечательном комплексе, рассчитанном на миллион человек. Здесь есть всё самое необходимое для жизни: парки, бассейны, кафе, кинотеатры, супермаркеты, фермы, институты, школы, клиника, своя электростанция, полностью автономный город, но автономный от чего? Правда к некоторым системам комфортного жизнеобеспечения нужно добираться через специальный переход, который соединяет несколько башен. Эти переходы создают огромное кольцо. Можно также воспользоваться фуникулёром. Жилых комплексов было четыре: башни А, В, С, D, они стояли вокруг самой высокой постройки в городе, небоскрёб корпорации, возвышаясь над остальными примерно вдвое, демонстрировал своё величие и преимущество, а комплексы насчитывали около семидесяти этажей каждый. Дороги-переходы вели в центральную башню примерно на пятидесятом этаже и двенадцатом, но люди пользовались ими редко,

легче было подождать «небесный автобус» и выйти у подножья башни корпорации. На каждой из четырёх построек со всех сторон закреплены огромные экраны транслирующие выступление президента. Когда он не обращался к жителям города, крутили в записи «Городской Кодекс».

На шестьдесят пятом этаже в одном из таких комплексов под номером 4, это буква D, расположена моя квартира. Всё только самое необходимое для жизни, я ведь любитель минимализма. Две небольшие комнаты, в одной располагалась кровать, встроенная в стену и таким же встроенным большим телевизором на противоположной стене и гардеробом на всю стену метров пять в длину. Хотя, зачем мне такой большой? Там всего-то два костюма, с повседневной серой домашней и выходной чёрной формами. Во второй стоял стол и маленькая кухня, на пять элементов. Вся квартира была смежной, без дверей между комнатами, только в душевой стояли пластиковые. Всё функционально и без излишеств. Сегодня я уже два раза «ставал на круг». У входной двери в двух шагах, прямо на полу в каждой квартире начерчен оранжевый круг. У моего соседа сегодня случился пожар и чтобы обезопасить себя, он стал в этот круг и по краям разметки высунулся защитный барьер, который спас его от пожара. Офицеры службы безопасности имеют доступ к

твоему дому, даже если тебя там нет.

Вход в квартиру у всех одинаковый, над дверью написан твой персональный номер, идентификатор личности для распознавания хозяина и открытия дверей, огромные вентиляционные решетки на потолке. При входе в квартиру с правой стороны на стене висели большие часы, которые подавали сигнал каждое утро в шесть часов, для приёма лекарства, которое по пневматическим трубкам поступали каждому жителю.

Все здесь живущие знают историю Земли полностью. И наш город существует тысячу лет, с момента Великого Замысла. Больше никогда ничего не было. За пределами города жизни нет, там нет кислорода, там нет солнца, там абсолютно ничего нет. Я живу здесь с момента своего рождения.

Город находится под куполом, абсолютно прозрачным. Я работаю на фирме, которая занимается его ремонтом и обслуживанием. Благодаря этому куполу у нас есть кислород, хороший климат и прекрасные условия для проживания.

Сегодня я, уходя с работы, увидел у входа в наш офис красивую девушку, она как-то странно на меня смотрела, с какой-то своеобразной дерзостью. Я увидел нечто необычное в её взгляде, но что именно разобрать не удаётся.

«Наш город один единственный в целой Вселенной».

Эта надпись или лозунг окружает жителей повсюду. Некоторые называют его гимном и молятся на него. «Наш президент — Наш Бог». Интересно, меня единственного начинает это раздражать? Сейчас я на кухне даже спокойно поесть нельзя. Эти надписи повсюду: на молоке, на хлопьях, даже на газировке.

Раздался звонок на видеофон. Звонил мой начальник.

— Джеймс, от твоих коллег поступили жалобы на тебя. Служба безопасности советует мне направить тебя на обследование к доктору Снауду. Зайдешь в клинику завтра. Конец связи.

Клиника доктора Снауда находилась в Третьей башне. Совсем рядом с моим домом, но это только на первый взгляд, ведь я добирался к ней примерно час. Сначала меня автобус доставил на семидесятый этаж соседнего небоскрёба, после я летел на «скайкаре» — почти не отличающегося устройства от обычного автомобиля, только оснащённого по бокам двумя круглыми винтовыми двигателями для возможности летать. Я хотел воспользоваться лифтом, но время ожидания перевалило за три минуты, и я решил спуститься пешком на десять этажей вниз.

Сейчас 10:30, пришло время входить. Я,

колеблясь, немного застыл перед большими белыми дверьми, но если я этого не сделаю, то зайдёт следующий пациент, ведь у доктора время приёма ограничено. Я провёл рукой по сканеру, и на экране появилось недорисованное лицо в виде схемы.

— Здравствуйте Джеймс Купер, доктор ждёт. дверь распахнулась и я вошёл.

— Здравствуйте доктор.

— А, это ты Джеймс. — Снауд сидел за своим столом и жевал рис причмокивая. Белый халат, морщинистое лицо доброго старца с красивой седой бородой, внушали доверие.

Большое просторное помещение похожие на контейнер немного меня давило. Ярко-белые стены смущали своей простотой. В углах стояли разнообразные медицинские аппараты.

— Что-то ты частенько ко мне заходишь, снова беспокоят кошмары? — Он отложил тарелку в сторону, и посмотрел на меня из-под очков, не поднимая головы.

— Не то чтобы кошмары доктор, скорее бессмыслица.

— Ага, типичный случай. Я задам тебе несколько контрольных вопросов, постарайся ответить. Пройдём со мной в комнату.

Я шел вслед за доктором. Две створки дверей распахнулись в разные стороны, издавая лёгкое шипение, исчезли в стене. Мы вошли, в абсолютно

пустую комнату. В ней было только кресло как в стоматологии, и несколько проекционных экранов стоящих рядом с ним.

— Присаживайся и расслабься.

— Итак, Джеймс, как ты относишься к нашему президенту?

— Он мне надоел.

— Хорошо. Тебе нравится жить в городе?

— Да, но хотелось бы большего. Больше пространства, понимаете. Хочется куда-нибудь уехать.

— Но ты ведь знаешь, что за чертой города жизни нет.

— Нет, не знаю. Я там не был. Я бы с уверенностью ответил, если бы побывал ещё где-то. А так, возможно она есть. — Я сказал это с детской наивностью.

— Джеймс, город существует тысячу лет, ты же знаешь, что планету сотворил Великий Творец, лишь с одной целью, — чтобы здесь появился город. Это идея Великого Замысла. Больше ничего нигде нет. Наш президент — сын его.

— Да? Но он ведь человек?

— Конечно человек, так нам легче его воспринимать.

— А как же звёзды?

— Звёзды? Какие звёзды и почему ты их так называешь?

— Вы же знаете, где я работаю? Так вот, однажды выполняя техническое обслуживание купола, я немного свернул с назначенного пути и увидел их. — После сказанных мною слов я почувствовал себя неловко, ведь только что сознался в нарушении кодекса.

— Кого их?

— Доктор, ну вы как маленький, звёзды, я их увидел. Эти светящиеся точки рассыпаны по всему небу. Я поднял взгляд, застыл от удивления и промолвил: «Звёзды».

— Так ты думаешь, что там есть жизнь?

— Почему бы и нет, если они мерцают, значит, кто-то там есть, там есть энергия.

— Хм... Ты меня пугаешь Джеймс.

— Доктор, Мир намного больше, чем мы его представляем. Зачем столько людей живёт в одном месте? Можно расширить город, расселив их в окрестностях.

— Там ведь нет кислорода, у нас он есть благодаря куполу. — У человека задававшего мне вопросы появилось удивление и недоумение на лице. Думаю, он считает меня сумасшедшим.

— Доктор Снауд, но я же был без маски и дышал. Мир на самом деле не такой, каким мы его видим, он такой, каким его рисует наш разум. Вот вам рассказали, что за куполом жизни нет, и всё, вы начинаете верить в правдивость чьих-то других

размышлений. А ведь можно прислушаться к себе и спросить: А на самом ли деле всё так, как нам говорят?

— Всё было бы великолепно, если бы описанные тобою вещи оказались правдой, Джеймс... Понимаешь, это твой разум заставляет тебя верить в эти мгновения, которые, по всей видимости кажутся тебе реальными, воспаляя воображение. Твой мир у тебя в голове — лишь иллюзия. Это всё равно, что я буду представлять себя тем креслом, на котором ты сейчас сидишь. Мне придётся каждый день терпеть тяжесть человеческих тел и эмоций. Джеймс, всё над чем ты так долго думаешь лишь пустота.

Доктор, выслушав меня, отошёл к видеофону и сообщил одному мужчине, который был на связи.

— D-612-й предрасположен. Требуется немедленной очистки памяти.

— Джеймс, ты давно читал Кодекс Города? — Подходя ко мне с пистолетом для инъекций, начал доктор.

Как только я заметил в его руках эту штуковину, у меня перед глазами начали появляться застывшие картинки из глубин памяти. Я не смог найти логичного объяснения этим воспоминаниям.

Я бегу по лесу в белом халате...

Внезапно оказываюсь с простреленной ногой

под какой-то машиной...

Где-то стою и смотрю свысока на разрушенный город...

Вот я уже обнимаю красивую девушку...

Перевязываю лапу какому-то псу...

Я прищурил глаза, чтобы эти изображения исчезли, но ничего не вышло. Я резко подорвался с кресла и толкнул доктора в сторону, быстро направляясь к выходу. Как пойманная птица в клетку рвётся на волю, так я пытаюсь разорвать оковы страданий, испытывающих здесь. Это не мой Мир, я в нём чужой, нет, не я его создал, всё не так. Разум разбился о грань понимания, это слишком тяжело, чтобы быть реальностью, это сон. Я бежал по коридору что есть сил, как внезапно обрушившийся тяжёлый удар, сбил меня с ног и я оказался на полу...

Я проснулся на звонок будильника. Открыл глаза, — всё как прежде. С каких это пор мне снятся сны, да ещё и такие глупые? Я направился на кухню и выпил таблетку.

Меня испугал негромкий синтетический голос, настолько, что я пролил кофе.

— Доброе утро мистер Купер!

— Чёрт возьми! Ты что такое?!

Парящее в полутора метре над землёй, со мной говорило устройство мужским компьютерным голосом, излучающие голубое свечение. Под ним,

немного искажалось изображение, он летал.

— Я бытовой дрон-помощник, во всех квартирах такие же, я помогаю жителям.

— А, да, да, совсем забыл...

— Пришло время напомнить основные правила «Городского Кодекса», — Сказал дрон.

— Первое правило:

— Город 212, — это всё что есть, что когда-либо было и когда-нибудь будет...

— Да помню я, помню, не стоит! Я опаздываю.

Я решил спешно покинуть жилище, мне не нравилась компания этой штуковины. Собравшись, я вышел на балкон. Скорее это посадочная площадка для «скайбаса». Абсолютно у всех были такие, для развоза персонала компании. Ночные огни ещё не погасли в предрассветный час. Вдалеке напротив, виднеется шпиль круглой башни, мерцающий красными огнями и возвышающийся над городом. Самая высокая постройка преобладала над остальными. Под шпилем красовалась огромная надпись:

«J. R. Corporation».

Я вышел у подножья круглой башни. Снизу она выглядит ещё более величественнее, нежели с высоты. Штаб-квартира корпорации была огромной. Стоявшие рядом дома, отражались в больших стеклянных окнах. После каждых 20-ти

этажей строение сужалось вплоть до сотого. На самом верхнем 101-ом, расположился офис нашего Великого президента. Однотонное, черного цвета, оно выделялось среди остальных. Я вошел в здание, теряя себя в хаотичном потоке работников корпорации. Пройдя мимо приёмной, я застыл посередине огромного зала. Над головой навис величественный купол, инкрустированный драгоценными камнями. Мимо меня проносились сотрудники, совершенно не замечая стоявшего человека.

— Привет, Джеймс! Тим говорит на 52-ом участке утечка. — Выкрикнул Терри стоя у лифта.

— Да... Привет...

— Он хочет, чтобы ты проверил и починил, если требуется.

— Хорошо, я займусь этим.

Путь до нужной точки занял примерно три минуты. Мой аппарат завис над повреждённым участком. Просканировав, мой компьютер выдал значение, в котором говорилось, что в связи с механическими повреждениями образовалось отверстие размером около двадцати дюймов. Из него происходила потеря кислорода, а снаружи проникала радиация. Оно образовалось в результате внешних воздействий. Вокруг дыра была чёрной, словно обожжённой.

Я выпустил дрона, который своими

электронными щупальцами приклеился в указанном месте. Мне оставалось только наблюдать, как он наращивает новую материю с помощью излучения античастиц. После него, мне придётся проверить и доложить качество работы. Я нажал на голографическую проекцию экрана, чтобы синхронизировать действия дрона.

Резкий, сильный толчок и меня потянуло влево, оглянувшись, я заметил горящий правый двигатель. Аппарат терял равновесие. Я всячески пытался его выровнять, но тщётно. Главный компьютер продолжал повторять женским голосом:

«Критическое повреждение правого двигателя».

«Внимание!»

«Недопустимый крен устройства».

«Внимание!»

«Возможность столкновение!»

Приборная панель выдавала сбой системы и потерю высоты. Страшно воя, я начал падать вниз по спирали, оставляя за собой рисунок из дыма, похожий на большую растянутую пружину. Секунды начали ползти медленно, я уже почти смирился со своей судьбой, как автоматически сработала катапульта. Сзади кресла в секунду разложился герметичный шлем, как складной стаканчик, которые выдавали при входе в офис корпорации. Резкий металлический щелчок меня

приковал ремнями к креслу и вот я уже в воздухе. Я вылетел высоко вверх и наблюдая за пылающим «скайкаром» терял сознание. Что-то помогло мне удержаться и выравнивая реактивное кресло я начал снижаться. Топлива хватит лишь на приземление. Я спешно пытался отправить сигнал бедствия, прибегая к помощи нарукавного компьютера. Моё спасательное устройство мягко приземлилось благодаря встроенным в нижнюю часть небольшим двигателям. Я сидел глубоко дыша, боясь убирать шлем. Пыль понемногу оседала, проявляя ясность в моих глазах. Моему взгляду стали показываться размытые приближавшиеся силуэты.

Это люди, люди! Я ничего не мог слышать, что происходит. Они начали падать один за другим, что-то выкрикивая, к сожалению, мне не удалось разобрать что именно. Я увидел ещё людей стрелявших в них. Один человек убегая от неминуемой гибели, приблизился ко мне. Его внезапно настиг импульс, продырявив насквозь. Он смотрел на меня глазами полными боли, отчаяния и страха. Жадно пытаюсь вдохнуть воздух, открывая рот, словно выброшенная на сушу рыба. Я видел как жизнь покидала его тело, как пустели глаза... Он успел отдать мне маленький флеш-носитель памяти и упал. Когда стрельба закончилась, ко мне подошли двое нападавших, я узнал их, это были

офицеры службы безопасности...

— Доктор, я видел поле, поле, покрытое зелёной травой, да травой, я уверен это так называется, я ходил по нему босым. На моих ногах появлялась вода, когда я ступал на траву, всё поле было мокрое — это роса. Солнце вот-вот взойдёт. Горизонт весь в огне. Небо застыло перед встречей с небесным светилом. Вокруг пели какие-то птицы. Меня наполняла непонятная простота гармонии. Мир радовался чудесным мгновеньям. Я бежал и внезапно упал лицом вниз. Перед глазами я увидел лепесток, на котором в капле росы отразился целый мир вокруг. Своим блеском на утреннем солнце, она привлекла моё внимание. За столь короткий миг своей жизни, она увидит и почувствует этот мир таким, каким он есть на самом деле. Она пропустит сквозь себя всё сущее. Для капли, время не существует. Время лишь иллюзия. Жаль, только лишь чуть-чуть коснувшись мира, ей суждено исчезнуть. Из глубины подсознания подкрадываются печальные мысли, они говорят, что кроха прожила больше за это мгновение, чем большинство людей на нашей планете. Ведь люди постоянно бегут куда-то, собрав все страхи и сомнения, не замечая ничего вокруг.

— Почему тебе такое приснилось? Как ты думаешь, Джеймс?

— Я не знаю... Доктор Снауд... Может это в

связи со стрессом после аварии, в которой я впервые увидел, как люди убивали людей...

— Джеймс, у тебя были галлюцинации в связи с небольшой травмой головы.

— Но ведь у меня ничего не болит!

— Это нужно сказать спасибо клинике, за своевременную медицинскую помощь.

Он замолчал. Сидя за столом напротив меня что-то набирал на компьютере...

«Образец номер 17, — не действует. Требую вернуть номер 16, поскольку у испытуемых встречается частичное возвращение памяти, что может стать большой угрозой для наших экспериментов. Детальный анализ мозга пациента лишь подтверждает мои слова. Исследования в области нейрохирургии отмечают также умерщвления тканей правого полушария. Связь между нейронами обрывается. Причина этого явления пока неизвестна. Прошу собрать совещание из коллегии докторов, на котором мы рассмотрим этот вопрос подробнее и составим план дальнейших действий».

Сколько времени я провёл в клинике мне неизвестно. Я в своей квартире, которую домом я не считал, мне здесь не комфортно, всё также ждал дрон совсем мне не по нраву. Он следил за каждым моим шагом, повсюду летал следом. Я хотел одиночества...

«Город 212 — это всё что есть, что когда-либо было...»

Неужели? Серьёзно? А что за люди, там за куполом. Нужно к президенту, пусть развеет мои сомнения. Я устал. Круговерть моих мыслей невозможно остановить. Беспокойство нарастало и нарастало. Голова трещит переизбытком информации.

«Флешноситель!»

Он был со мной всё это время? Даже врачи не забрали? Это меня очень удивило. Из кармана повседневного костюма я достал маленький чип. Бегая по квартире, не заметил наблюдавшего за мной летающего робота, я нашёл компьютер и вставил накопитель в разъём. Появился видеофайл, который я запустил, немного подвисая, изображение тормозило. Запись шла урывками. На экране появился какой-то человек в маске стоявший на фоне зелёного поля:

«Меня зову... Я я я обращ... ко всем жителям Города... Вас обману... За гор... е жизнь. Вам в... стирают память... Купол, это как б... зана...с чтоб не...нали о жизни за куполом» Я р раск. жу как пок. нуть город...»

Изображение остановилось. Я не верю в то, что увидел и услышал. Нет, это неправда. Кто этот человек? Как он только может так думать? Теперь он впутал меня в свои сети, теперь я заодно с этими

неверующими? Нет, нет, без меня, не впутывай законопослушного гражданина в свои грязные дела.

В памяти всплывали обрывки минувших дней. Я пытался анализировать воспоминания с помощью логики, но она отсутствовала полностью. У меня болело в висках и затылке. Не знаю, что со мной происходит. Может, я болен? Всё ведь хорошо. Всё хорошо. Живи и выполняй установки, навязанные нашими правителями, покоряйся им и восхваляй, как написано в «Городском Кодексе». Это книга! Книга! Но почему во всём городе лишь одна книга миллионными копиями, лежавшая в каждом доме, офисе и кафе. Я не должен об этом думать, так нельзя, нет. Наш Президент — Наш Бог. Как же всё запутанно, эти мысли сжигают меня изнутри. Они взяли мой мозг в заложники.

Я вышел прогуляться по вечернему городу, поскольку находится в четырёх стенах, по меньшей мере, невыносимо. В городе всё также творится бессмыслица, всё те же угрюмые лица окидывают презренным взглядом, уставившись на человека, сидящего на лавочке, будто я вовсе не человек, не одного вида с ними. Неужели они никогда не видели жителей отдыхающих в парке? Или может их предвзятость выражается собственной значимостью? Минуты шли отсчитываясь количеством прохожих, размытые силуэты которых, сливались со светом фонарей на столбах.

Я мог бы поговорить с каким-нибудь прохожим, рассказать о своих чувствах и догадках, поделиться сокровенными секретами, но поймёт ли он меня? Пойму ли я его? Мы будем говорить на разных языках о вещах, которые для каждого из нас совершенно чужие и необъяснимые. Эта сцена будет похожа на общение глухонемых, только никто из них не знает языка жестов. Один наотмашь пойдёт далее, другой — сочтёт меня сумасшедшим. Проблемы, накопившиеся внутри меня непонятны другим, да и есть ли толк в том, чтобы посвящать других? Большинству всё равно и это большинство создаёт климат общества. Кто-то мерзнет, кому-то тепло, а кто как я, застыл в раздумьях.

Под куполом собрались тучи. Пустился дождь. Я сидел, как ни в чём не бывало, боясь пошевелиться. Вскоре, появились лужи, на которых образовывались пузыри от капель. Вода устремилась ручьём вниз по дорожке, смывая грязь прошлого. Дождь пытается очистить накопившуюся пыль, втопанную миллионами ботинок в асфальт. Могучая сила подхватила листы бумаги, брошенные обёртки не попавшие в урну, унося их в пропасть дренажных систем.

Я всё-таки решил пойти домой. На моё удивление пересадка на фуникулёр из соседней башни, который доставил меня быстро, оказалась

успешной.

Вот уже просторный коридор ведет к двери, нелепые столики с цветами не приносят чувства комфорта. Экран на этаже выключен, хоть в этот раз не придётся слушать новости прошедшего дня. Я провёл рукой и дверь открылась. Сделав один шаг, я не решился войти, меня отвлек детский смех. Этот радостный счастливый смех отражался от стен и доносился к моему разуму. Я развернулся и пошёл на звук, любопытство взяло меня под контроль. Сделав несколько шагов, из-за угла мне на встречу прыгал небольшой резиновый мяч. Я остановил его ногой. За своей игрушкой прибежала девочка лет восьми. Черно-белое платье в горошек придавало ей волшебного вида. Милое круглое лицо с красивыми чёрными волосами. Она посмотрела на меня яркими карими глазами и улыбнулась.

— Здравствуйте, вы не могли бы вернуть мне мяч?

— Привет! — Сказал я, улыбнувшись в ответ. — Да конечно, держи.

Она взяла его и быстро пнула куда получилось. Он ударился о стену, отскочил в противоположную и подпрыгнул вверх. Я сделал шаг и поймал его в руки. Девочка рассмеялась.

— Давай поиграем? — Спросил я как можно мягче, чтобы не напугать.

— Давайте, так будет веселей!

Мы бросали друг другу мяч, я начал забывать о своих проблемах, как вдруг ребёнок остановился, посмотрел на запястье и промолвил:

— Уже так поздно, мама будет ругаться. Она опустила голову и надулась. — А у меня сегодня день рождения.

— День рождения? А что это? Я чувствовал, что это важно для девочки, но почему, понять не мог.

— Это день, в который я родилась, нужно отмечать каждый год.

— Отмечать день когда родился? Это ведь бессмыслица! — Моё удивление перешло в лёгкую улыбку.

Я присел рядом и положил ей руку на плечо.

— Милая, давай вместе пойдём к твоей маме, я скажу, что я тебя задержал и ты здесь совершенно не при чём.

Девочка обвилась руками вокруг моей шеи и крепко прислонилась ко мне. Я немного неловко себя почувствовал, что-то странное, непонятное произошло внутри.

— Это будет здорово! Спасибо хороший дядя!

Мы побежали по лестнице на два этажа вниз, играя и смеясь.

— Пришли, мы здесь живём. Девочка провела рукой и дверь открылась.

— Мама, мама! А у нас гости! Скорей иди сюда!

Это была необычная семья. Отец сидел за столом и читал книгу, это не был «Городской Кодекс», я впервые увидел другую печать. Он снял очки и дружелюбно мне помахал. Мать девочки готовила ужин, сказала лишь: «хорошо, что у нас гости, я скоро подойду». Я никогда прежде не видел семейного уюта и чувства тепла. Они были настоящими людьми, теми, которые проводят время с семьёй, общаются, советуются, искренне радуются каждой маленькой победой друг друга. Как это у них получается, я понять не мог. Эта квартира держала семью из другого мира.

Мы поужинали. Я смеялся вместе с ними. Позднее время заставило меня покинуть этот чудесный уголок. Хозяева с радостью согласились меня провести, за что я им отдельно очень благодарен.

Дома меня настигла усталость и лёгкая грусть.

Внезапный звонок в дверь меня испугал.

«Кого могло принести в этот час?»

Я поднёс руку к двери напротив небольшой проекционной кнопки, которая светилась красным. Вокруг неё вращались маленькие прямоугольники почти вплотную прижатые. Зелёный лазер провёл горизонтальную линию по руке, и прямоугольники расширились, отдаляясь от центра на некоторое

расстояние. Кнопка засветилась зелёным, и дверь быстро ушла вправо.

Высокий, коренастый мужчина с флегматичным выражением лица шагнул на встречу со словами:

— Сэр, армия без вас не может!

Совершенно обескуражив меня своим приветствием, он провёл рукой по своему лысому черепу.

— Вы должны выслушать меня! —
Продолжил человек.

— Давайте зайдём.

С этими словами, которые как мне показалось, прозвучали нервно, я запер дверь.

Мой гость быстро пошагал вглубь квартиры, осматриваясь по сторонам. Он что-то искал. Вернувшись, со злобным видом мужчина спросил:

— Где дрон?

— Он на балконе, а что?

Не пытаясь ответить на мой вопрос, быстро развернулся и побежал. Я шагая вслед за ним, увидел, что человек достал из кармана какой-то предмет похожий на фонарик, подбежал к дрону, всунул эту штуку ему в то место, откуда шло голубое свечение. Дрон задёргался, его обволокли маленькие электрические дуги, после чего он сложился и упал.

— Сэр, у нас мало времени, слушайте

внимательно что скажу. — Мужчина лежа свой инструмент в карман обратился ко мне.

— Вы являетесь предводителем восстания сэръ, вас взяли в плен во время Первой Битвы за город, что-то пошло не так. Вам стёрли память. В Городе-212 держат людей обманом, будто после ядерной катастрофы никто не выжил, будто Земля стала непригодна для жизни, но это не так. Всех выживших собрали в этом городе и закрыли. Все здесь — рабы, но им абсолютно безразлично, что происходит за пределами купола. Нам неизвестно с какой целью всех собрали. Десять долгих лет мы пытались вас найти. Вы нам нужны, нам нужен лидер. Повстанцы жаждут рассказать правду населению города. Нас вылавливают и стирают память, помещая в этот инкубатор. Идея поработить человечество увенчалась бы успехом, если бы не ваше стремление к свободе. Вам нужно выбраться отсюда, найти нас и...

Он не успел договорить, как моя входная дверь взорвалась. Из дыма появились силуэты пятерых офицеров службы безопасности. Они ворвались облачённые в черную броню с черными щитами. Один из них толкнул меня в сторону и выстрелил в гостя. Винтовка дёрнулась, выпуская газ по бокам возле рукоятки, из ствола вылетел полупрозрачный сгусток синеватого цвета, оставляя за собой кольцеобразную дорожку. Достигнув цели,

заряд продырявил её насквозь, оставляя опалённые края плоти. Человек, поведавший мне тайну, вылетел в окно, унося за собой осколки стекла.

— Вы в порядке, Джеймс? Ко мне обращался один из солдат, дёргая за рукав, но я его не слышал, в ушах звенело...

Всё стало ещё более запутанным. Обхватив голову руками, я сел на стул. Меня буквально разрывает на части.

«Они стирают память».

Я слышу невероятный шум. Этот звук режет слух и вонзается мне в мозг. Но вокруг стоит благоухающая тишина. Откуда звук? Ведь все вокруг молчат, мы стали слишком молчаливы. Словно волнами накатывается, всё ближе, ближе, громче. Мир пронзительно кричит. Мир хочет достучаться до каждого из нас. Прислушайтесь. Слышите? Нет? Я слышу...

Стою перед зеркалом, умываюсь холодной водой. Ужасно болит голова и мышцы сводит от усталости. Я смотрю на своё отражение в зеркале и не могу узнать человека в нём. Это я или кто-то другой? Яркий пронзительный взгляд, уставился на меня, будто совершенно другой человек стоит напротив, внешне очень похож на меня, но кардинально отличающийся внутренним яством. Холодная капля покатилась со лба, медленно направляясь к переносице, прошла изгиб у бровей,

и стремительно понеслась вниз, на секунду задержавшись у кончика носа. Я опустил голову и слегка намочил шею, мне показалось, что он продолжает смотреть на меня, тот, другой я, чувство, что кто-то на меня уставился, проявляло себя сильнее. Капля прозрачной воды сорвалась с кончика носа и словно в замедленной реальности долго летела вниз, пока не шмякнулась о керамический бортик раковины, разлетаясь в стороны, присоединилась к своей стихии. Вода шумела в моих ушах так громко, словно я стою у огромного водопада.

— Кто ты такой?! Чёрт возьми! Я крикнул и ударил кулаком по своему отражению. Зеркало треснуло паутиной и несколько осколков выпали. Я упёрся руками о край умывальника и снова опустил голову. Красные струйки бегло направились в центр, смешиваясь с бесцветным потоком жидкости, исчезали в чёрной дыре.

«Кто я такой»...

Зеркала играют со мной злую шутку, пытаюсь увлечь призраками прошлого. Кто же ответит на все мои вопросы? Кто расскажет, что здесь происходит? Я настолько погряз в череде удивительных событий, что уже не понимаю где сон, а где реальность. Я вспоминаю каждое произнесённое слово погибшим человеком. Звучащий в моей голове его монолог, провоцирует

нарастающее волнение.

Мне потребовалось много времени, чтобы упорядочить сумбурный полёт своих мыслей. Ввиду последних событий с моим участием, я допустил возможность обмана властей и страшного заговора против человечества. Я уподобился колдуну, проводившему тайные обряды. Проводил допросы своему сознанию, анализировал жизнь в городе.

Я должен поверить этому человеку, ведь он отдал жизнь за то, чтобы мне всё рассказать. Понятия не имею что дальше делать. Всё смешалось в моей голове. От меня теперь многое зависит, главное, начиная с этого момента мне нельзя ничего забывать. Как же это сделать, ведь при малейшем подозрении о воспоминаниях, которые идут за чертой города, мне тут придётся посетить клинику, где позаботятся об этом.

Необходимо составить список слов, при упоминании которых, моё подсознание будет мне помогать вспомнить кто я, и что это за место. Другого выхода нет. Сейчас бежать из города невозможно. Буду ждать. Ждать подходящего момента. Пусть думают, что я ничего не помню. После инцидента в квартире за мной будут пристально присматривать. Возможно, даже следить начнут. Нужно быть внимательным и осторожным., я стану тем, кем меня видят

окружающие. Обременённый тяжестью своих мыслей, продолжу раскрывать сознание для борьбы с окружающим миром. Я испытываю чувство отверженности, за которым скрываются страшные психологические мучения, мой разум, — мой враг, мне с ним жить.

Сомневающимся в подлинности слов правителей, хватало, но их сомненья развеивались, как только они слышали:

— «Наш президент — Наш Бог, Город и всё что нас окружает — рук его творенье».

Люди перестали задавать правильные вопросы. Лишь услышав о том, что город сотворил президент, у населения всячески пропадает желание знать больше.

Я стою у панорамного окна, восхищаясь нашим прекрасным и могущественным городом. Я стал плохо различать человеческие лица. Смотрю вдаль абсолютно не понимая что вижу; красиво либо нет, хорошо или плохо, безмятежно пытаюсь постичь истину своего существования. Сегодня совершая утренний туалет, я обнаружил странную надпись прямо над головой, на потолке душевой.

*«Лишь истину познать сумеешь ты,
как разум твой откроет тайну бытия,
позволь ему малейшие мгновенья
ты вспомнишь всё, ты избран кровью*

уцелевших»

Что это значит и кто оставил мне такое странное послание? Похоже, что писал я, но я так мыслить не умею. Если это я, то почему написал настолько загадочно, что не могу разобрать смысл написанных слов? Вот подходит к концу рабочий день. В городе зажигают первые вечерние огни, а я застыл в оцепенении стоя у окна. По офису бегают сотрудники, раздаются телефонные звонки, шелест листов бумаги, поочередно взятые опытной рукой, негромко доносится из-за стола рядом со мной. Сегодня ремонтных миссий не было, ни одно вылета я не совершил, из-за чего пришлось весь день торчать в скучном помещении. Скучном? — Странное чувство, что-то чрезвычайно новое для меня.

— Джеймс, ты и вправду считаешь, что жизнь в городе сплошная суматоха? Ты говоришь, что нас обманывают, насильно здесь сдерживая?

— Да, Стефан, мы долгое время с тобой работаем и неужели ты, не заметил притеснений и подавления воли человека?

— Нет, я не могу с тобой в этом согласиться!

— Почему ты мне не веришь? Нас обманывают, ты должен это заметить. Я могу тебе это доказать.

— Попробуй Джеймс, только мне кажется,

вряд ли у тебя получится.

— Пойдём сегодня в одно место, я тебе что-то покажу.

— Я не могу с тобой пойти, мне сегодня к доктору. — Якобы насмехаясь, ответил Стефан.

— Я не хочу узнавать что-то новое, моих знаний мне достаточно. Разве новые знания смогут мне помочь жить? Сомневаюсь, Джеймс.

Я посмотрел Стефану прямо в глаза, и понял, что этот человек мёртв, мёртв, как и все в этом городе. Они думают, что живут, что на целой планете, нет других городов, они даже не допускают такой возможности. И это пугает.

Разговор явно не вязался и утратил нить доверительных отношений. Я посмотрел Стефану через плечо и увидел девушку. Я не мог не уставиться на её очаровательную красоту.

— Ты не хочешь даже на секунду допустить хоть малейшую возможность правдивости моих слов?

— Джеймс, тебе наверное тоже стоит записаться к доктору... Куда ты постоянно пялишься? Ааа, красивая, правда? Она недавно у нас, зовут Анна.

Анна... Анна... Стефан продолжал что-то говорить, но я его не слышал.

Я не могу найти человека, который бы мне поверил. Все они не хотят перемен, не хотят что-то

менять, в этом и заключается проблема населения всего города. Можно только восхищаться безупречно работающей схемой, которая позволила убить человеческую сущность у самого истока. Во избежание различных трудностей мне приходится переступать через себя, дабы появилась возможность начать всё сначала. И если же мир на самом деле такой как мы привыкли его видеть, чувствовать и воспринимать, то лучше никогда не знать суть его создания. Правильное толкование сотворения мира и даст нам новые порывы к знаниям невозможного. К запредельным законам совершенности. Но почему я думаю иначе? Почему? Может, мне было бы намного проще, если бы их действия повлияли на меня? Тогда я совершенно не думал бы о возможности покинуть это место, о тех зловещих вещах, которые здесь происходят, о коварном заговоре правителей.

В офис зашли два человека из службы безопасности. Осматриваясь по сторонам, они заговорили о чём-то с одним из сотрудников, тот пальцем показал в мою сторону, слегка улыбаясь. Быстрым шагом, толкая людей оказавшихся на их пути, они целенаправленно шли ко мне, пробираясь сквозь узкое пространство между столами.

— Вы Джеймс Купер? — Спросил один из них низким голосом с хрипотой.

У меня не было времени ни что-то

придумывать, ни пытаться уйти.

— Да это я. А что случилось?

— Пройдёмте с нами. Вас хочет видеть один человек.

Я подчиняясь приказу выдвинулся вслед за синими костюмами. Двое крепких ребят, с черными винтовками наперевес в тёмно-синих беретах, шагали впереди. Кто этот человек, жаждущий встречи со мной? Многие люди провожали нас взглядом, уставились с каким-то навязчивым презрением, будто я совершил страшное преступление. Мне стало немного не по себе от сверлящих меня насквозь десятков глаз. Мы вышли за дверь в большой просторный коридор. Смуглый затылок одного из офицеров мелькал перед глазами. Стоящий прямо воротник скрывал за собой какую-то круглую металлическую штуку ниже темечка, она мерцала мягким салатным цветом. Я неосознанно ощупал свою шею и к счастью ничего не обнаружил. Их костюмы слегка шуршали и поскрипывали тяжелые сапоги, заполняя гулкую тишину хоть каким-то звуком. Офицеры остановились у лифта, ожидая моего прибытия. Один из них нажал на проекционную кнопку и на экране появились секунды отсчитывающие время подачи элеватора. Негромкий гул приближался, и секунд оставалось всё меньше. Люди в синем общались между собой,

иногда окидывая меня презренным взглядом. Доносящийся звук шахты лифта, будто только что сработал сигнал микроволновки, говорящий о разогреве вкусного обеда, заставил стеклянную прозрачную дверь распахнуться. Кабинка рассчитана на десять человек приехала забрать троих. Меня толкнули в плечо заставляя войти первым, или для демонстрации превосходства надо мной, или из-за обычного невежества. Я стал в центр светло-бежевой коробки (как мне показалось) и грамотно распределённый яркий свет обволок моё тело не оставляя тени. Солдаты зашли вслед за мной, один стал слева, второй справа. Дверь закрылась, на миг я почувствовал уменьшение силы гравитации, которая длилась меньше секунды. За дверьми мелькали этажи, то затухали в отсутствие света, то мерцало более ярко. Мы ехали вниз. Быть в обществе этих двоих громил в замкнутом помещении не слишком комфортно, но разве у меня есть выбор? Мы ехали около двадцати секунд, свет в кабине заморгал, послышался глухой лязг металла, после чего стеклянную дверь заслонила серая громоздкая заслонка, похоже, ещё одна, нас потянуло в сторону, я от неожиданности чуть не упал. Мы направились по горизонтали. Через какой-то промежуток времени всё повторилось снова только в обратном направлении. Лифт поехал вниз. Невозмутимые безразличные лица

конвоирующих меня людей, всё также уставились в одну точку, почти не моргая. Я подумывал о том, чтобы их оглушить, забрать оружие и податься в бега, но моя идея обречена на провал.

Вверху кабинки глухие отдаленные стуки меня встревожили.

«А что если лифт оборвётся и упадёт?»

Вдруг свет стал очень тусклым, будто в сумерках ночных, снова яркий, так повторялось несколько раз, пока в маленьком пространстве не наступила крошечная тьма. Движение прекратилось. Элеватор застрял. Мои спутники замешкались, плотно прижав меня своими телами с обеих сторон. Один из них проговорил по рации:

«Это отряд «ДЕЛЬТА» у нас код 17, повторяю код 17».

Он повторил фразу ещё два раза и зажёл фонарь. Посветил вокруг, потом на меня и на своего товарища, поднял луч вверх и застыл. Из потолка в кабинку лифта через маленькие отверстия поступал сизый дым. С правой стороны я услышал скрежет металла, словно два парохода не разминувшись в море, тёрлись бортами друг о друга. Звук въедался в мозг, вызывая неприятные ощущения. Освещение снова замерцало прерывистым эффектом, раздражая зрение мгновенными бликами.

— Чёрт, ложись! — Крикнул один из

офицеров, пригибаясь от сотен искр летящих нам на головы.

Раздался хлопок, после которого я оказался на полу. Дверь лифта начала медленно открываться и в тусклом свете сквозь дым я увидел человека в плаще, который направил винтовку на дверь.

— Джеймс, иди за мной. — Сухим низким голосом мужчина потянул меня за рукав. Я последовал за ним. Не было времени задавать какие-то вопросы, я точно знаю кто этот человек. В коридоре он застрелил двоих из службы безопасности. Мы устремились к шахте грузового лифта. Он не вызывал кабинку, вставил небольшую плоскую штукювину в отверстие между створками дверей, она с огромной силой развела их в стороны, он выхватил из-под плаща верёвку на катушке, бросил мне, я поставил её на пол, крутанул механизм, она вдолбилась в кафель словно пятернёй. Мы начали спускаться, он первый я следом. Спустились на три этажа вниз и остановились. Человек в плаще выбил вентиляционную решетку ногой и пригласил меня кивком пойти первому. Мы проползли относительно немного как на пути появилась развилка, ведущая в три разные стороны.

— Стой! Крикнул он, разглядывая карту схему вентиляционных систем.

— Здесь направо!